

ное составление свода всех письменных, а не только литературных упоминаний о рабах раннегреческих источников. П. Олива сделал в своей книге первый, трудный шаг в этом направлении. Но работа еще далеко не закончена, и предстоит сделать еще очень и очень многое. На это правильно указывал в цитированном уже «Письме в редакцию» ВДИ Дж. Томсон.

Нельзя также полностью согласиться с П. Оливой в оценке роли торговли. Возникшее именно в это время товарное производство, несомненно, содействовало ее развитию. Собранные автором археологические данные ярко иллюстрируют этот процесс. Однако роль торговли в древности качественно отличалась от ее роли даже в период первоначального накопления капитала. Притом и в количественном отношении античная торговля во многом уступала торговле эпохи капитализма¹. Тем более это относится к греческой торговле так называемого архаического периода. П. Олива должен был обязательно указать на специфику торговли в античности, тогда его критика концепций, например Уге'а, была бы значительно убедительнее. Между тем он почти полностью умалчивает о метэках, игравших исключительно большую роль как в торговле, так и в ремесле развитых полисов. Подоплекой почти всех войн изучаемого им периода П. Олива считает защиту интересов торговых кругов того или иного полиса. В этом, как мне кажется, очень много преувеличения. Понятно, любой полис был заинтересован в обеспечении привоза рабов и продовольствия, но от этого еще очень далеко до какой-либо меркантилистической политики, каковую фактически предполагает у раннегреческих тиранов П. Олива. Вероятно, с этим связана у него и явная недооценка очень важного именно в ранний период явления — пиратства. Талассократию он рассматривает исключительно в «торговом» аспекте; даже надпись SIG, 10, в которой несомненно речь идет о пиратстве, П. Олива, хотя и с колебанием, склонен считать связанной с морской торговлей (стр. 150, прим. 180).

Желаая подчеркнуть закономерность ранней тирании, П. Олива несколько обедняет специфику тираний в отдельных полисах. Между тем очень важно, как это отметил К. К. Зельин в своей рецензии на книгу А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль», не только подчеркивать общие черты, «но и установить специфические особенности... которые могут нам объяснить конкретные явления жизни рассматриваемого периода» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 145). Выше были указаны те черты своеобразия, которые П. Олива считал нужным отметить в своей книге. Этого, конечно, недостаточно.

Замечания, высказанные нами в связи с книгой П. Оливы, было бы несправедливо расценивать как упреки по его адресу. Во-первых, речь идет об очень сложной проблеме, которая к тому же до сих пор почти не разрабатывалась в марксистской историографии; во-вторых, — и это не менее важно, — ценность его работы состоит не только в попытке по-марксистски решить проблему тирании, но, пожалуй, в еще большей степени, — в новом освещении ряда существенных вопросов истории Греции в VIII—VI вв. до н. э. В своей книге П. Олива делает очень много важных и ценных замечаний, и мы остановимся только на наиболее значимых из них. Так, он правильно возражает против употребления в нашей литературе термина «великая греческая колонизация» и предпочитает говорить о «греческой колонизации» (стр. 86, прим. 20). Он всюду проводит четкую грань между прогрессивными ранними тиранами и реакционными ставленниками Ахеменидов. Оценка Солона дана им более четко и правильно, чем в учебнике В. С. Сергеева. П. Олива хорошо охарактеризовал социальную значимость творчества Феогида. Очень метко и правильно его замечание о том, что смещение знати с богатством, на которое жалуется мегарский поэт, было вызвано не только стремлением богачей породиться со знатью, но более всего страхом перед демоном (стр. 259). Прав П. Олива во многих случаях и в своих критических замечаниях по адресу Дж. Томсона: для периода ранней тирании более правильно говорить не об аристократических родах, а о семьях, стоявших во главе рода (стр. 337, прим. 187);

ческих отношений в Греции VIII—VI вв. фактически только ремеслом нам представляется неправильным в силу изложенных соображений

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, ч. 1, стр. 345, прим. 49.

требование передела земли даже в ранний период никоим образом не следует считать реакционным (стр. 307, прим. 112).

Громадное количество собранного археологического материала, прекрасное знание литературы предмета вплоть до новейших статей 1954 г., стремление по-марксистски осветить важнейшие проблемы истории ранней Греции дают основание считать появившиеся книги П. Оливы важным событием не только в чешской, но и вообще в марксистской историографии античности. Было бы весьма полезно, если бы Издательство иностранной литературы действовало в отношении перевода книги П. Оливы более оперативно, чем книгой Дж. Томсона, издание перевода которой тянется недопустимо долго, несмотря на неоднократные сигналы, в том числе и в печати (ВДИ, 1950, № 4, стр. 113). При подготовке книги для перевода следует исправить немногочисленные опечатки в указаниях на источники и литературу, как, например, Thuk., VI, 54, а не 56, на стр. 339, прим. 193 книги и столбец 900, а не 300, на 90-й странице статьи П. Оливы.

Я. А. Ленцман

TADEUSZ ANDRZEJEWSKI, Księga Umarłych Piastunki Kai, Papiirus ze Zbiorow, Warszawa, 1951.

Папирус Варшавского государственного музея № 21884, известный под названием «Варшавская книга мертвых», представляет большой интерес для историка и давно уже привлекал внимание египтологов. Издание этого памятника молодым польским ученым Тадеушем Андрижевским является ценным вкладом в науку. Этот папирус, длиной в 9,67 м, очень интересен для изучения египетского заупокойного ритуала, так как на основании его можно установить порядок следования глав Книги Мертвых.

Рецензируемая книга делится на три части: вступление, перевод текста и комментарии, латинская транскрипция. В конце приложены 42 таблицы с фотографиями папируса и карт древнего Египта¹. На основании грамматических особенностей языка и палеографии текста автор датирует папирус концом XVIII или началом XIX династии. Путем наблюдений и сопоставлений Т. Андрижевский устанавливает, что текст папируса написан двумя писцами. Первым писцом написаны главы от 1 до 108,— и писал он более четко и грамотно, чем второй, перу второго писца принадлежит все остальное.

Текст папируса, как обычно, написан черной краской, названия глав и имеющие наибольшее значение — красным цветом. Однако в целом ряде случаев (например, часть гл. 8, 144—146) текст папируса написан белой краской, что затрудняет чтение оригинала. Только при помощи фотографии инфракрасными и ультрафиолетовыми лучами автору удалось добиться чтения и транскрипции этих мест папируса. Воспроизведенные способом такой фотографии таблицы, помещенные в конце книги, позволяют сравнить текст папируса с его транскрипцией. Для одного листа автором даны две,

¹ Несколько необычно социальное положение владелицы «Книги мертвых» — Каи, являвшейся кормилицей некоего Аменемоне, которого она называла «барашком». Автор так толкует выражение $\text{Imn-m-ipt rd dw n. } \dot{\text{S}} \text{ B}^{\dot{\text{J}}} \text{ K}^{\dot{\text{J}}} \dot{\text{i}}$. Свой перевод он обосновывает тем, что rd dw стоит в форме страдательного залога на w и глагол относится к имени кормилицы, а не к имени ее питомца, т. е. Аменемоне. Такое написание слова встречается 23 раза из 28, и это, как справедливо считает автор, говорит в пользу его перевода. Однако при этом переводе остается несколько сомнительным предположение Т. Андрижевского, что «Книга мертвых» была куплена Аменемоне для своей кормилицы и из любви к ней он поместил рядом со своим именем прозвище «барашек», которым она называла его в детстве. Против предположения, что имя кормилицы было $\text{B}^{\dot{\text{J}}} \text{ K}^{\dot{\text{J}}} \dot{\text{i}}$, говорит то, что среди египетских имен Ранке в его «Египетских личных именах» такое имя не встречается, тогда как женское имя Каи в Новом царстве встречается достаточно часто.

а иногда три фотографии, сделанные двумя или тремя способами, что облегчает чтение плохо видных мест; хотя и при таком способе воспроизведения текста некоторые таблицы, как, например, табл. III, IV, почти совсем нечитаемы, а другие могут быть разобраны с очень большим трудом. Поэтому особенно жаль, что автор дал только латинскую транскрипцию папируса, а не иероглифическую, как это принято¹.

Несмотря на то, что в распоряжении автора имелся неполный комплект большого египетского словаря, а второе издание грамматики Гардинера было получено им тогда, когда работа была уже закончена, Т. Андриковский справился с очень сложным переводом «Книги мертвых», а в целом ряде случаев уточнил существующие переводы отдельных глав.

Особенно обращает внимание перевод 77-й главы, данный в стихотворной форме на основании конструкции строф (две строфы по пять строк) и параллелизма членов. Наблюдение, несомненно, правильное, отмеченное в свое время акад. Б. А. Тураевым², что целый ряд глав «Книги мертвых», написанных в поэтической форме, являются литанией и что это имело большое значение для развития египетской поэзии.

Автор не дал полного анализа вставок в тексте, поскольку он не имел возможности использовать для сравнения издания «Книги мертвых» других музеев. Поэтому он ограничился описанием вставок, без привлечения сравнительного материала.

Непосредственным дополнением к переводу являются объяснения собственных имен и названий. Автор раскрывает в них значение богов и их место в египетской религии, дает разъяснения относительно «топографии» загробного мира. В некоторых случаях объясняет мифологическое содержание его, связанное с определенным местом или именем бога, например, объяснения, касающиеся Осириса или названия города Абидоса и т. п. В конце книги помещено на семи страницах резюме на французском языке, что позволяет ознакомиться с выводами автора специалистам, не владеющим польским языком. К сожалению, это резюме сильно сокращено и многие основные высказывания в нем опущены.

Целый ряд очень интересных высказываний автора и замечаний в первой части книги заслуживает того, чтобы на них более подробно остановиться.

Совершенно правильна концепция автора, рассматривающего «Книгу мертвых» как определенное выражение и проявление идеологической надстройки, отражающей общественно-экономические отношения древнего Египта. Автор убедительно полемизирует с буржуазными учеными, в частности с Карно, который считает египетскую религию амальгамой независимых религиозных систем, не вскрывая при этом причин их различия. Т. Андриковский правильно отмечает, что различия в религиозных представлениях были обусловлены тем, что они возникали в обществах с различной классовой структурой, что нашло свое отражение и в идеологии.

Происхождение «Книги мертвых» рассматривается автором в историческом развитии. Т. Андриковский показывает, что возникновение культа мертвых восходит еще к додинастическому Египту. В эпоху Древнего царства этот культ нашел свое высшее выражение в текстах пирамид и был тесно связан с культом бога солнца и обожествлением царя. Только царь имел право на загробное блаженство, только в его гробнице помещались тексты пирамид. Это было одним из выражений деспотии фараона и, может быть, одновременно желанием усилить его власть на земле, которая в действительности в этот период была ограничена влиянием жрецов и знати. В результате острой классовой борьбы, которая разыгралась в конце Древнего царства, заупокойный культ стал доступен каждому. В связи с этим тексты пирамид заменяются текстами саркофагов.

Это положение, совершенно правильное в своей основе, к сожалению, слишком лаконично сформулированное, не раскрывает всех причин распространения доступ-

¹ Однако этот упрек может быть сделан автору лишь в том случае, если в распоряжении типографии имелся иероглифический шрифт. Возможно, что он был уничтожен во время последней войны, как и целый ряд ценных и важных изданий, отсутствие которых затруднило работу над папирусом.

² Б. А. Тураев, Египетская литература, т. I, М., 1920, стр. 138—139.

ности культа мертвых для всех египтян. Автору следовало более подробно остановиться на причинах падения Древнего царства и ослабления царской власти, приведших к децентрализации Египта и появлению самостоятельных правителей номов. Номархи почувствовали себя царьками в своих областях, и вместе с прерогативами власти на них был распространен культ мертвых. Острая классовая борьба в начале и конце Среднего царства вместе с этими фактами оказала влияние на «демократизацию» заупокойного культа.

Также не нашло объяснения появление «Книги мертвых» в эпоху Нового царства. Автор ограничивается указанием на то, что в период Нового царства после изгнания гиксосов рост развития производительных сил, завоевательная политика фараонов привели к превращению Египта в могущественную державу. Благодаря экономическому положению жрецов усилилось жреческое влияние. В это же время в «Книге мертвых» происходят изменения, которые выразились в увеличении количества заклинаний (по сравнению с текстами саркофагов) и записей их на папирусе. Однако автор не вскрывает, какая же связь существует между этими двумя явлениями и почему укрепление государства и усиление жречества привели к появлению «Книги мертвых».

Работа Т. Андрижневского значительно выиграла бы, если бы эти положения были более раскрыты в книге. Автор правильно считает, что в «Книге мертвых» нашли свое отражение классовые противоречия египетского общества того времени и выражены интересы богатых слоев. Соглашаясь в этом с автором полностью, мы тем не менее считали бы необходимым, чтобы был дан хотя бы частичный анализ тех глав, которые позволяют конкретно показать классовую сущность египетского заупокойного культа. Например, 125-я глава дает для этого богатый материал. Опровергая точку зрения Карно о высокой степени египетской морали, автор получил бы возможность противопоставить этому классовую мораль египетской религии, нашедшей такое четкое отражение в этой главе. Подобным же образом можно было бы вскрыть классовую сущность «Книги мертвых», анализируя другие главы, напр., 110 и др. Вместе с тем сами положения автора, на которых строится его исследование, являются совершенно правильными и свидетельствуют о марксистском подходе Т. Андрижневского к рассматриваемому идеологическому памятнику древнего Египта.

Работа Т. Андрижневского является ценным вкладом в египтологию, и мы благодарны ему за опубликование Варшавской «Книги мертвых», что позволяет включить ее в число важных памятников для изучения заупокойного культа древнего Египта. Издание Варшавской «Книги мертвых» важно и в том отношении, что изучение древних религий позволяет раскрыть происхождение религиозных представлений и объяснить целый ряд предрассудков и суеверий.

Р. И. Рубинштейн

БИБЛИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ БАССЕЙНА СРЕДНЕГО ДУНАЯ

BANNER JÁNOS—JAKABFFU IMRE, A közép-dunamedence régészeti bibliográfiája a legrégebbi időktől a XI. századig, Budapest, 1954.

Советский читатель с большим удовлетворением встретил появление фундаментальной работы Яноша Баннера и Имре Якабфи — «Археологическая библиография бассейна среднего Дуная начиная с древнейших времен до XI в.», вышедшей в 1954 г. в Будапеште в издательстве Академии наук Венгерской Народной Республики.

До последнего времени наиболее значительными библиографическими сводками по этой теме были известная работа Альфёльди¹, а также «Венгерская археологическая библиография» одного из соавторов рецензируемого издания — Я. Баннера².

¹ Alföldi A., *Bibliographia Pannonica (I—VI)*, Pannonia, 1936—1941.

² Banner János, *Bibliographia Archaeologica Hungarica, Dolgozatok az Erdélyi Múzeum Érem és Régiségtárából, Dolgozatok a Szegedi Tudományegyetem Régisé*